

Хуай Янь онемел. Теперь-то он окончательно понял, к чему Сян Мо выдумал эту чушь с фальшивым браком. Но «тётушка Мо»... Это же надо было додуматься!

— Что замер? — Сян Мо дал Линь Цянькуню легкого пинка. — Давай, здоровайся быстро.

Парень обладал редким достоинством: умел вовремя отступить. Он мгновенно оценил обстановку и понял, что рядом с этим нереально крутым, невероятно стильным и опасным красавцем у него нет ни единого шанса. Линь Цянькунь вообще никогда не усложнял себе жизнь, не требовал невозможного и ко всему относился проще некуда.

Когда-то Сян Мо спас ему жизнь. Потом Линь Цянькунь видел, что тот вечно один, и захотел держаться поближе. А последующие попытки ухаживать были скорее детским азартом и ребячеством — ему просто нравилось цеплять дядюшку Мо, чтобы развлечься и разбавить скуку. Так было веселее.

Но теперь рядом появился этот статный господин, и Линь Цянькунь без колебаний смирился с неизбежным. Потерев ушибленный зад, он послушно выдал:

— Здравствуйте, тётушка Мо...

Хуай Янь едва заметно приподнял веки и снисходительно обронил «Угу».

Пока он ест, Сян Мо и Линь Цянькунь устроились напротив, не сводя с него глаз. Под такими взглядами Хуай Янь почувствовал себя неловко, но голод взял своё. К тому же знакомый с детства аромат дразнил рецепторы — Сян Мо готовил точно так же, как и раньше. Хуай Янь неторопливо, сдержанно схавал всю порцию и выпил бульон до последней капли.

Его манеры оставались безупречными. Даже сгорающий от голода, он ел бесшумно, сохраняя изысканную грацию.

Сян Мо заворожённо наблюдал за каждым его движением. В голове сама собой всплыла мысль: Хуай Янь наверняка вырос в роскоши, в знатной и богатой семье. Он никогда не знал ни нужды, ни грязи, ни настоящего голода. Только в такой среде мог сформироваться этот гордый, небрежно-элегантный характер.

— Дядюшка Мо, а мне ты никогда лапшу не варил, — протянул Линь Цянькунь, сглатывая слюну. От одного вида того, как аппетитно ел Хуай Янь, у него разыгрался зверский аппетит.

Заметив это, Сян Мо спросил:

— Тоже проголодался?

— Ещё как! — кивнул парень.

— А всё, я только одну порцию сварил. Твой дом за углом, иди и попроси сиделку приготовить.

— Ну офигеть! — возмутился Линь Цянькунь. — Вот она, людская чёрствость: завела муженька — и про родного племяша забыла!

Сян Мо лишь молча сжал челюсти.

Поняв, что каши здесь не сварить, Линь Цянькунь переключился на городские сплетни. В их квартале внезапно вырубили свет, народ на улицах забеспокоился и орал на чём свет стоит, благо электричество быстро дали.

— Кстати, я по дороге видел Лю Гуанюаня. Он собрал толпу шестёрок и с собаками ищет кого-то по всей улице.

— Кого? — вполглаза отозвался Сян Мо.

— Мы вместе сворачивали в переулок 68, так у него рожка была — сплошной кровавый блин! — с хохотом поделился парень. — Стал мне жаловаться, мол, заметил вечером одну краля, хотел пристать, а тот ему так ввалил! Вся физиономия в смятку, говорит — шепелявит. А в грудь так дали, что он до сих пор на сердце жалуется. Орал, что сегодня из-под земли выроет этого ублюдка, свяжет и бросит на койку — учить уму-разуму.

Хуай Янь отложил палочки, неторопливо вытер губы салфеткой и ровным, ледяным тоном произнёс:

— Похоже, парень, которого они ищут, — это я.

Сян Мо и Линь Цянькунь одновременно уставились на него:

— Что? Он к тебе лез?

— Распустил руки. Получил по заслугам.

Лицо Сян Мо мгновенно потемнело. Жвачные мышцы на скулах желваками заходили от ярости.

Лю Гуанюань был местным мелким бандитом и, по иронии судьбы, шестёркой отца Линь Цянькуня. А Линь Хунтянь держал под собой половину улицы Миинь. Проще говоря, его слово здесь было законом.

Линь Цянькунь, чувствуя себя полноправным хозяином этих трущоб, тут же вскочил, засучил рукава и с готовностью ударил себя кулаком в грудь:

— Тётушка Мо, не сцы! Я сейчас пойду и размотаю этого пса! Сосем страх потерял, на тебя пасть разинул. На улице как раз похолодало — пойду сдеру с него шкуру, будет тебе отличный коврик под ноги!

Парень вихрем выскочил на улицу. Сян Мо даже опомниться не успел, поэтому быстро набрал номер Линь Хунтяня, чтобы сопляк по горячке не натворил глупостей.

— А парень-то с характером, — заметил Хуай Янь.

Сытый и отдохнувший, он попрощался. Сян Мо проводил его до самого перехода в Подземный город и стоял на углу, пока машина Ци Еляня не скрылась из виду.

Ночной ветер приятно охлаждал лицо. Сян Мо вдруг обдало странным дежавю. Ему показалось, будто всё это уже было: он так же стоял в тени, провожая взглядом уходящего Хуай Яня.

Стоял, смотрел с немой тоской... а потом началось долгое, бесконечное ожидание.

— Сян Мо не поедет с нами? — спросил Ци Елян, когда они выехали на магистраль.

— Пока он останется Сян Мо, — Хуай Янь мельком глянул в зеркало заднего вида. Одинокая фигура у обочины становилась всё меньше, пока совсем не растворилась в темноте. — Завтра оформи ему бессрочный пропуск в Подземный город. Пусть передвигается без ограничений.

Наступило воскресенье — день традиционного семейного обеда в доме Хуай. Это правило, установленное главой семейства Хуай Чжэнцином, соблюдалось свято: если не случилось катастрофы мирового масштаба, все обязаны собраться за одним столом.

Раньше Хуай Янь приводил с собой Чжу Чэньюаня. В последние годы он приходил один, лишь изредка беря с собой Анно.

Его мать, Юэ Ли, уже больше десяти лет исповедовала буддизм и строго придерживалась вегетарианства. Поэтому воскресные обеды всегда были исключительно постными.

Хуай Чжэнцину и Юэ Ли было уже за шестьдесят. Однако благодаря развитию медицины и

генным технологиям человеческий организм старел гораздо медленнее, а средняя продолжительность жизни давно перевалила за сто двадцать лет. Для своего возраста супруги выглядели невероятно молодо.

Хуай Янь, как обычно, принёс матери её любимые Лилии Небесного Аромата. Юэ Ли поставила цветы в вазу, нежно провела ладонью по волосам сына и с тревогой произнесла:

— Похудел... И синяки под глазами. Опять не спишь ночами?

Рядом с ней Хуай Янь снова становился ребёнком. Он обнял её за плечи и помог спуститься в столовую.

— В последнее время много дел. Вчера поздно лёг.

— Береги себя, не перегружайся.

Хуай Чжэнцин подвинул жене стул и приборы. Юэ Ли даже не взглянула на него — села рядом с сыном, подчёркнуто дистанцировавшись от мужа.

Глава семейства тихо вздохнул и переложил в её тарелку постные закуски. Юэ Ли не стала отказываться, но продолжала игнорировать его присутствие, полностью переключив внимание на Хуай Яня.

Чжэнцин молча вернулся к своей трапезе.

Лишь под конец обеда он озвучил то, ради чего всё затевалось:

— Сяо Янь, у старшего полковника Чжана есть сын, Чжан Вэйшань. Найди время, встретиться с ним. Пообщайтесь, присмотритесь друг к другу. Если всё сложится хорошо, можно будет подумать и о свадьбе.

Это было прямое распоряжение о династическом браке.

— Не буду я с ним встречаться, — отрезал Хуай Янь, даже не подняв глаз от тарелки.

Но Хуай Чжэнцин был настроен непреклонно. На этот раз он не просил, а требовал беспрекословного подчинения. Ему казалось, что он уже проявил слабость, когда разрешил сыну выйти за Чжу Чэньюаня и дал ему свободу. Больше ошибок он не допустит.

— Чэньюаня нет с нами уже три года. Ты что, собрался до конца дней коротать век в одиночестве? Вэйшань давно к тебе равнодушен, он годами ждёт только тебя. К тому же мы

с матерью не вечны — тебе нужен надежный человек рядом.

Хуай Янь с холодным прищуром посмотрел на отца:

— До старости вам ещё далеко. Люди сейчас живут больше века, а вам всего шестьдесят. Вы в самом расцвете.

Пережив однажды всепоглощающее чувство, Хуай Янь не желал соглашаться на меньшее. К тому же Сян Мо был совсем рядом, и отречься от него он не собирался. Впрочем, открывать карты родителям пока было рано — у него имелись свои соображения.

— Ты... — Хуай Чжэнцин в бешенстве грохнул палочками по столу. — В следующем месяце я организую ужин. И ты на него пойдёшь, хочешь того или нет!

Хуай Янь отложил приборы — аппетит пропал окончательно. Но не успел он ответить, как вмешалась мать, которая обычно хранила ледяное молчание в присутствии мужа.

— Если Сяо Янь не хочет — значит, не пойдёт. Не смей навязывать сыну свои брачные расчеты.

Юэ Ли всегда отличалась мягким, кротким нравом. Её голос обычно звучал тихо и размеренно, и слышать от неё столь резкие тона было вдвойне непривычно.

Хуай Чжэнцин ошеломлённо уставился на жену. То, что она наконец заговорила с ним — пусть даже ради перепалки, — мгновенно сбило с него спесь. В глазах пожилого мужчины блеснули слёзы, а властный тон сменился мольбой:

— А-Ли... Парень упрямится, но ты-то зачем потакаешь его капризам?

Юэ Ли поднялась из-за стола, более не удостоив его взглядом:

— Личная жизнь сына — его дело. Ты не имеешь права ломать его судьбу во второй раз.

Она поднялась на второй этаж. Вскоре оттуда донеслись звуки фортепиано.

И отец, и сын замерли. Юэ Ли не садилась за инструмент уже бесконечно долго, и Хуай Янь даже не мог вспомнить, когда слышал её игру в последний раз.

Мать происходила из старинной интеллигентной семьи: её отец был известным живописцем, а мать — консерваторским дирижёром. Юэ Ли с детства обладала тонким музыкальным слухом, писала музыку и прекрасно играла.

Хуай Янь помнил рассказы матери о том, как они познакомились с отцом. Чжэнцин не пропускал ни одного её концерта, оставаясь преданным слушателем и после свадьбы. Их поэма «Солнечный свет», написанная Юэ Ли после Великого хаоса в Подземном городе, стала настоящим символом возрождения.

В детстве Хуай Янь видел лишь идеальный гармоничный союз. Но в какой-то момент всё рухнуло. Мать внезапно ушла в религию, приняла вегетарианство и забросила музыку, а отец с головой ушёл в политику и борьбу за власть.

С тех пор, живя под одной крышей, они почти не разговаривали, пересекаясь лишь за воскресным столом. Второй этаж особняка стал личной территорией Юэ Ли, куда Чжэнцину ход был закрыт.

Только сейчас Хуай Янь понял: отец цеплялся за эти семейные обеды лишь потому, что это был единственный способ побыть рядом с женой.

Слушая льющуюся сверху мелодию, он видел, как у отца дрожат руки, а в глазах блестят слезы. Куда делась спесь властного политика? Перед ним сидел сломленный человек.

Музыка длилась целый час. Пожилой мужчина стоял, опираясь руками о стол, и бессильно закрыв глаза. За этот час он словно постарел на несколько десятилетий.

Только сам Чжэнцин знал, что означала эта музыка. Юэ Ли не просто играла — она просила его. И одновременно предупреждала.

Три года назад она уже садилась за рояль, и тогда он уступил. Сейчас она сделала это снова — и он снова отступит. Против неё у него не было оружия.

Хуай Чжэнцин медленно повернулся к сыну. Его голос звучал глухо и надломленно:

— Сяо Янь... Иди. Женись или нет — решай сам.

<http://bllate.org/book/20433/2122212>